

631 об., 659, 711, 714 об., 722, 724 об., 736, 738; д. 6, л. 6 об., 14 об. — 28, 52; д. 9, л. 3—20 об.; д. 13, л. 51 об., 59—69 об., 211; д. 22, л. 72 об., 83 об. — 104 об.; д. 33, л. 3; ф. 870, оп. 1, д. 43, л. 96.

⁴¹ Кротов П. А. Сословность в политике самодержавия по комплектованию личного состава военно-морского флота при Петре Великом//Сословия и государственная власть в России: XV — середина XIX в. Ч. 1. М., 1994. С. 258—261.

⁴² РГА ВМФ, ф. 176, оп. 1, д. 28, л. 195—200; д. 19, л. 1—23.

⁴³ Там же, ф. 212, оп. 1720 г., д. 11, л. 309 об.

⁴⁴ Там же, оп. 1, д. 5, л. 736; д. 13, л. 211.

⁴⁵ Там же, д. 48, л. 16; оп. 1723 г., д. 33, л. 20 об.

⁴⁶ Шафиров П. П. Разсуждение, какие законные причины... Петр Первый... к начатию войны против короля Карола XII Шведского 1700 году имел... СПб., 1717. С. 5.

© 1995 г. Р. А. ГОРОДНИЦКИЙ *

ЕГОР СОЗОНОВ: МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ПСИХОЛОГИЯ ЭСЕРА-ТЕРРОРИСТА

Настоящая статья ставит своей целью более четко изложить жизненный путь и духовный облик видного представителя Боевой организации партии эсеров, что поможет дополнить картину деятельности революционных организаций России начала XX в. и воссоздать внутренний мир их участников. Существует достаточно обширная литература, посвященная эсеровскому терроризму начала XX в. ¹ Историография же деятельности Е. С. Созонова исчерпывается работами 1920-х гг. — статьями Б. П. Козьмина «Е. С. Созонов и его письма к родным» и Н. Ростова «Смерть Егора Созонова», предваряющими публикацию «Письма Егора Созонова к родным» ².

Егор Сергеевич Созонов родился 26 мая 1879 г. в селе Петровском Уржумского уезда Вятской губернии в семье купца-старообрядца, занимавшегося торговлей лесом. Отец его, глубоко религиозный человек, монархист по убеждениям, принадлежал к той среде, где и намек не было на революционно-критическое отношение к действительности. Созонов вспоминал: «Царские портреты наравне с иконами украшают комнаты в доме моего отца» ³. Будущий террорист тяжело болел в детстве, и учеба давалась ему нелегко. По рассказам матери, он «рос тихим, впечатлительным ребенком» ⁴. К моменту окончания гимназии он стал первым учеником и, наперекор воле отца, желавшего видеть его инженером, поступил на медицинский факультет Московского университета. Интеллектуальное становление Созонова происходило на фоне растущих правительственных репрессий против студенчества, что предопределило эволюцию его взглядов — к концу второго года обучения в университете он пришел к мысли, что «тьма нависла... над Россией, и в этой тьме терялись действительные очертания предметов» ⁵.

Созонов вскоре оказался вовлеченным в студенческое движение. На короткое время попал в Бутырскую тюрьму, был исключен из университета и выслан в Уфу к родителям. Там он вновь арестовывается за хранение нелегальной литературы. После ареста его «революционные воззрения еще более окрепли» ⁶, и по выходе из тюрьмы бывший студент примыкает к Уфимскому союзу социал-демократов и социалистов-революционеров. Через полгода — в марте 1902 г. Созонов был вновь арестован, просидел полтора года в тюрьме и был выслан на пять лет в Якутскую область. Но в августе 1903 г. он бежит с этапа и перебирается за границу ⁷. В то время всю общественность потрясли «известия о порках, учиненных в Вильне и Харькове и особенно расстреляние златоустовских рабочих» ⁸ по приказу уфимского губернатора, одобренному министром внутренних дел В. К. Плеве. Созонов был твердо убежден в том, что любому факту правительственного произвола должно противопоставить свой акт возмездия, расправы над зарвавшимися чиновниками, которые не останавливались перед пролитием крови. Он считал безнравственным не ответить на «целый ряд убийств и других преступлений, содеянных министрами и их агентами» ⁹. Подобное настроение было присуще почти всем лидерам зародившейся тогда эсеровской партии, террористическая деятельность ими оправдывалась и входила составляющим элементом в программу партии. Отношение к государству, подавлявшему личные права и

* **Городницкий Роман Александрович**, аспирант кафедры политической истории естественных факультетов Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

свободы, было крайне негативным. Так, Г. А. Гершуни рассматривал его как «чудовище, делавшее убийцами лучших детей страны»¹⁰. Все это заставило Созонова признать террористические акты единственным возможным средством борьбы с правительством. «Когда я бежал из Сибири, — писал он в автобиографии, — я чувствовал, что за моей спиной стоят кровавые призраки, шептавшие мне: ты должен, ты должен пойти на Плеве»¹¹.

Попав за границу, Созонов предполагает вначале продолжить обучение, но вскоре изменяет решение и, нелегально вернувшись в Россию, вступает в Боевую организацию партии эсеров. Он изучает извозное дело в Твери с целью подготовки покушения на министра внутренних дел Плеве. 15 июля 1904 г. взрывом бомбы, брошенной Созоновым, Плеве был убит. После ареста, тяжело раненый и избитый охранниками Плеве, Созонов был подвергнут и моральной пытке — агенты полиции сообщили ему преувеличенные данные о числе погибших во время взрыва людей и уверили его в том что, будучи в полубессознательном состоянии, он в бреду выдал своих товарищей. В речи на суде, который состоялся в ноябре 1904 г., Созонов подробно изложил взгляды партии эсеров на террор, причины убийства Плеве и свою политическую автобиографию. Он был приговорен к лишению всех прав состояния и бессрочной каторге, которую отбывал в Шлиссельбургской крепости с 24 января 1905 г. по 30 января 1906 г., а затем на Нерчинской каторге. И в тюрьме, и на каторге Созонов умудрялся читать книги, постоянно размышлял о многих сторонах жизни русского общества, вопросах бытия. Безусловно, особенно его волновали проблемы, стоящие перед русской революцией. На каторге он вел переписку со своими родными, невестой, М. А. Прокофьевой, и некоторыми друзьями. Надломленный изматывающей борьбой с каторжным начальством, Созонов 27 ноября 1910 г. принял яд и на следующий день скончался.

Несмотря на хорошо сохранившееся эпистолярное наследие Е. Созонова, оно большей частью не введено пока в научный оборот. В 1925 г. были напечатаны письма Егора Созонова к родным за 1895—1910 гг. и в эмигрантском журнале «Воля России» в 1930—1931 гг. был опубликован ряд посланий Е. Созонова к его невесте М. А. Прокофьевой. Мария Алексеевна Прокофьева родилась в 1883 г. в состоятельной купеческой семье и уже в 1902 г. примкнула к партии эсеров. После нескольких лет работы в местных партийных организациях она в конце 1906 г. вступает в Центральный боевой отряд партии. Позже она была арестована по делу о покушении на Николая II, приговорена к вечной ссылке в Сибирь, но весной 1908 г. бежала за границу. В 1909 г. вступила в боевую группу, руководимую Б. В. Савинковым, но вскоре заболела туберкулезом и в 1913 г. умерла.

Хотелось бы подчеркнуть, что письма Созонова в «Воле России» — журнале, в редакцию которого входил весь цвет эсеровской послеоктябрьской эмиграции, — публиковались с грубыми искажениями и купюрами. Созонов должен был предстать перед читателями как герой-террорист, не имеющий никаких разногласий с линией, проводимой ЦК партии эсеров. В угоду этой схеме из писем выбрасывались не только отдельные фразы, но и целые страницы, причем эти пропуски нигде специально не оговаривались. Так обстоят дела с опубликованными материалами.

Между тем в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) хранится массив неопубликованных писем Созонова к Прокофьевой, к товарищам по Боевой организации Петру Карповичу и Борису Савинкову. Эти документы свидетельствуют, что эсеровский «боевик» был человеком довольно образованным и интеллектуально развитым, к тому же чутким к любым проявлениям несправедливости. Его волновали все вопросы, стоявшие тогда перед русским обществом.

Взгляды Созонова соединяли идеологию, восходящую к народничеству (особенно он выделял работы Н. К. Михайловского), с теориями, которые возникли на Западе в конце XIX в. Он испытал сильное влияние идей М. Гюйо, Ф. Ницше и Г. Ибсена. Идеалом для Созонова был такой человек, все способности которого были бы приведены «в равномерный строй и, одна другую оттеняя, всегда все гармонически откликались бы на каждое впечатление бытия». Созонов мечтал о человеке, не только все понимающем, но все чувствующем. Он писал, что «человек должен быть всесторонним, и лишь тогда он будет жизнеспособен и жизнедеятелен»¹².

Кровно связанный с русской интеллигенцией, он полагал, что в ее истории нельзя найти момента, когда бы она позабыла о святом и должном. Для него социология с ее «субъективным методом» была бесстрастной объективной наукой. В письме М. А. Прокофьевой от 15 мая 1908 г. он пишет: «Не Бог создал человека, а человек создает Бога «по образу и подобию своему». Не Бог освящает нравственный закон, а сам он должен выдержать экзамен перед судом нашей нравственности»¹³. Мечта о «все-человеке», который соединял бы в себе истину, справедливость и красоту, заставляла Созонова стремиться к воплощению своего идеала в жизнь, стараться совместить в себе «богатеишую индивидуальность с наибольшей общественностью». Социалист по убеждениям, Созонов полагал, что «общественность победит общество с его разнообразными диссонансами, уничтожит все классовые и другие перегородки, пропитает каждую

личность общественным духом до того, что общественное станет для нее личным...»¹⁴. В общественном идеале Созонова личность «свята и неприкосновенна». Будущее, по Созонову, принадлежит не «коммунизму и не оторванной личности, а социалистическому обществу, в котором общее гармонически примиряется с индивидуальным, не подавляя одно другое»¹⁵.

Нельзя не отметить, что мировосприятие Созонова отмечено сильным позитивистским влиянием. Но это был не чистый позитивизм, а скорее романтическое стремление найти в науке пусть не полный, но необходимый ответ на запросы человечества. По Созонову, в ходе бесконечного развития необходимо возникает созданный из хаоса и тьмы прекрасный и светлый мир. И хотя для человека невозможно достигнуть абсолютного знания, только наука может ответить на вопрос «что делать?» Созонов отвергает веру как концепцию, которая может удовлетворить человека лишь за счет подавления других, важнейших сторон его ищущей природы. Верить для Созонова — это значит погresti себя в пучинах небесного, заткнуть глотку своей логики негодной затычкой. И только научная дерзость прокладывает пути к прогрессу, ведет знание по нужному руслу¹⁶.

Для постижения внутреннего мира русского революционера важна и проблема целей и средств революционной борьбы. В 1908 г. Созонов писал, что «... из всех средств, принятых нашей тактикой, я ни от одного не откажусь и не знаю во имя чего надо отказываться»¹⁷. Для него социализм является высшей целью и все средства, гармонирующие с этой целью, Созонов принимает. Человек, по Созонову, сам ставит перед собой задачи, которые должен разрешить. Каждый индивид может бороться за свою правду, и только «от личных усилий каждого... зависит, будет ли его правда признана за правду другими». Созонов считает, что насилие — необходимость, если существуют «звериные условия борьбы», но оно не вытекает как следствие из поставленных идеалов¹⁸.

Но, совершая убийства других людей (а для Созонова это «величайший грех, возможный для человека»¹⁹), личность должна сама отвечать за свой тяжкий выбор, сама санкционировать его. И в письме к Савинкову от 15 сентября 1908 г. Созонов ярко и точно выражает свое кредо: «Сознание греха никогда не покидало меня. Но у меня нет желания переложить свой грех на чьи-то чужие плечи...»²⁰.

Главным событием своей жизни Созонов считал участие в деятельности Боевой организации партии эсеров. Члены организации представлялись ему «удивительными людьми, какие бывают только в сказке»²¹. Воспоминания о прошлом являются для находящегося в заключении Созонова основным стимулом деятельности, помогают переносить нелегкий каторжный быт. Вступление в Боевую организацию видится ему исходным пунктом нового бытия. В письме к Савинкову от 15 июля 1908 г. он пишет: «То чувство, которое связывает меня с братьями моими, мертвыми и живыми, мало назвать любовью, я не знаю ему настоящего имени... Дело, люди, наше отношение к делу и друг к другу — все это силается для меня в нечто цельное, невыразимо прекрасное, осязаемое золотым светом». А в письме к Савинкову от 15 сентября 1908 г. Созонов резюмирует свои мысли: «Наше рыцарство... было проникнуто таким духом, что слово «брат» еще недостаточно ярко и точно выражает сущность наших отношений»²².

Там, где заходит речь о «возлюбленной матери» — Боевой организации, стиль писем Созонова становится несколько выпендренным и объективные оценки людей ему не всегда удаются. Так, руководитель Боевой организации в 1901—1903 гг. Григорий Гершуни кажется ему «воплощение того, чем человек должен стать... через сотни лет»²³. Подобными же образцами для подражания видятся ему Иван Каляев и Мария Спиридонова, с которой Созонов вместе был на каторге. Особенно близкие отношения сложились у него с Борисом Савинковым.

Они познакомились в феврале 1904 г., когда оба уже состояли в Боевой организации. Вплоть до убийства Плеве террористы тесно общались и составили достаточно определенное мнение друг о друге. «Фанатик революции, ничего не видевший и не признававший кроме нее»²⁴, — таким показался Савинкову Созонов. Впечатление это было во многом неверным, что, однако, не свидетельствует о том, что Савинков был плохой психолог, а объясняется тем, что Созонов в то время усиленно старался походить на «ригориста-народовольца». Правда, в дальнейшем, Созонов пришел к выводу о том, что Боевая организация партии социалистов-революционеров должна была действовать более самостоятельно, независимо, чем «Народная Воля»²⁵.

Созонов считал Савинкова одним из тех людей, встречи с которыми «обогатили» его «вкус в распознавании красоты и ценности человека»²⁶. В письме к Прокофьевой в 1908 г. Созонов писал, что Савинков «чуток... к людям и благороден. Блестяще талантлив. Его я очень любил, любовался им, учился у него пониманию жизни, оценке ее». Савинков видится ему чудесным цветком, откуда-то занесенным; он «широкий и мятежный, как море, есть в нем что-то языческое, панское», и «боролся он так, что всем нам мог послужить образцом». Но Созонов считал, что у Савинкова мало любви к

ближнему, что он «слишком много индивидуалист и мало общественник», и «что может настать такой момент, когда мы резко разойдемся»²⁷. Несмотря на некоторые идейные разногласия, горячая симпатия и любовь к Савинкову сохранялись у Созонова до конца жизни. В предсмертном письме к Прокофьевой от 23 ноября 1910 г. Созонов писал, что память о Савинкове уносит «как самое прекрасное, что... знал в жизни»²⁸.

Необходимо отметить некоторую отстраненность Созонова от участия во многих формах партийной жизни, отличных от боевой работы, и его несогласие со многими решениями, проводимыми ЦК. Так, он считал ошибочным решение о приостановке боевого дела во время деятельности II Думы (из письма от 3 апреля 1908 г.). Он также осуждал партию за полукротчество от покушения на коменданта Севастопольской крепости генерал-лейтенанта Неплюева, за порицание взрыва на Аптекарском острове, за отказ ЦК брать ответственность за многие боевые предприятия из-за политической конъюнктуры. Для Созонова каждый этот шаг является «новым грехопадением партии»²⁹.

Он задумывается над вопросом о возможности выхода из партийных рамок, в которых так хорошо живет Виктору Чернову и другим партийным «олимпийцам»³⁰, отмечает, что его симпатии всегда на стороне рядовых участников террора. Но, будучи социалистом и воспринимая партийную общественность как атмосферу, дыша которой только и можно жить, Созонов приходит к выводу, что должен всегда оставаться человеком партии³¹.

Однако моменты острого недовольства партийной работой все чаще возникали у Созонова, особенно в кризисные периоды. Так, известие о смерти Гершуни кажется ему «треском крушения», и каждая новость с воли уже к 1908 г. для него становилась свидетельством процесса разрушения. В письме к Прокофьевой от 3 апреля 1908 г. Созонов говорит о своем депрессивном состоянии — «в голове — хаос, в сердце — пустота, и в ней, этой пустоте, холодным эхом отдается прежде заветный клич «партия»». Это говорит об эмоциональной опустошенности Созонова, так как любое неприятное сообщение заставляет его видеть вместо естественного хода партийной жизни «развалины прежней прекрасной и священной храмины»³².

Тому способствовала и драматическая история с делом Азефа. Нимало не подозревая о связях Азефа с полицией, Созонов относился к нему как к старшему товарищу по Боевой организации. Во всех письмах до 1909 г. Созонов подчеркивает свое уважение к Азефу, участие которого в террористических актах в глазах боевика являлось гарантией успеха. Показательна следующая фраза из письма Созонова: «Мир или действительно вверх ногами, или Азеф то, чем он, по-моему, не может не быть: я не представляю себе основной разницы между ним и Гр[игорием] Гершуни»³³. Поэтому так был страшен удар от известия о виновности Азефа. Вначале Созонов ожидал, что процесс по делу Азефа кончится оправданием главы Боевой организации, однако вскоре в его письмах появляются пессимистические нотки. Но еще в январе 1909 г., не имея точных известий с воли, Созонов пишет, что он хотел бы обнимать ноги Азефа «за то великое страдание, жертвой которого он сделался». Лишь к марту Созонов начинает постигать истинный смысл происшедших событий. Он совершенно верно замечает, что удар по партии, по каждому члену Боевой организации был нанесен не извне, а изнутри, из самого сердца, поэтому основной партийной задачей должно стать выявление того, что моральная сила террора существовала не благодаря, а несмотря на «скверное спекулирование» Азефа и Департамента полиции³⁴.

Тем не менее бывший эсеровский боевик переживает тяжелейший психологический и мировоззренческий кризис. Можно даже констатировать определенное помутнение его сознания, отсутствие логических связей в мышлении. Созонов начинает видеть замысел Азефа в том, что именно он, Созонов, как «слабовольный», по мнению Азефа, способный выдать сообщников, человек был направлен на покушение против Плеве, упрекает себя в «недостойном» поведении на следствии и суде. К нему опять возвращаются сомнения, не выдал ли он в своем бреде товарищей. Прошлое теперь предстает перед ним как груда черепков, бывших прежде драгоценностями. Думается, что самоубийство Созонова в ноябре 1910 г. в значительной степени стало следствием шока, пережитого после разоблачения Азефа. От этого потрясения Созонов так и не смог полностью отойти. В марте 1909 г. он так пишет о своем душевном состоянии: «И жизнь, и люди смотрят на меня механической стороной: движения, звуки... больше ничего... Скучно до смерти... И холодно...»³⁵.

И все же спустя несколько месяцев Созонов сумел найти в себе силы, чтобы преодолеть нервное напряжение. Немалую роль в этом сыграла опубликованная тогда повесть Савинкова «Конь бледный». Сначала Созонов не увидел в сочинении товарища по партии особых достоинств, а напротив, констатировал «недостаток художественного чутья правды». Однако его не устроило и категорически отрицательное отношение к повести его товарищей по заключению, увидевших в ней лишь «клевету, подлость и глупость»³⁶. Созонова же произведение взволновало до глубины души, он чувствовал, что

оно «написано слезами и кровью сердца», что в нем «нет ни одного невыстраданного слова»³⁷. Он выступил с рефератом перед каторжанами, в котором утверждал, что повесть Савинкова, видимо, вполне соответствует действительности, но ее основная задача не в точности зарисовок портретов героев повести, а в постановке автором важнейшего вопроса: «... Почему можно убить человека? Где оправдание?» Без ответа на этот вопрос человек не сможет определиться революционер он или нет. Требование неприкосновенности человеческой личности, основное для революционеров, возможно лишь в «те светлые времена всечеловеческого братства, которого мы чаем»³⁸. И утверждение Савинкова, что для совести это требование должно оставаться ненарушимым во веки веков, даже если жизнь часто вынуждает человека нарушать его, заставило Созонова солидаризоваться с ним. В письме к родным от 15 августа 1909 г. он отмечает, что его доклад помог товарищам признать частичную правоту повести, так как на них возымел действие довод Созонова, что «за автором — все ищущие своей выстраданной правды»³⁹. А в письме к П. Карповичу от 4 июля 1910 г. Созонов пишет, что в данном случае для него вопрос шел не только об «эстетической и философской оценке художественного произведения, но о том, чтоб защитить один из оставшихся... устоев, на которых покоилась моя вера в человека»⁴⁰. Защита автора повести для Созонова стала ассоциироваться с отставанием ценности собственной жизни, и не случайно, что в письме к Савинкову от 6 июня 1909 г. он признается, что читает и перечитывает «Коня бледного», с «неослабевающим, все более захватывающим интересом, как скорбную исповедь дорогой мне души»⁴¹.

В письме к родным от 15 августа 1909 г. Созонов пишет, что его старая вера умерла и что на ее месте вырастает новая. Он теперь убежден, что партия эсеров все делала не так, как следовало бы; однако конечный идеал — социалистическое переустройство общества — остается для Созонова прежним. Нет, правда, былого убеждения в близости его осуществления. Прежние методы достижения цели остались, но Созонов требует привнесения в них новых элементов, а именно: прежде чем человек возьмется за переустройство жизни, он должен устроить себя самого внутри себя⁴². Он говорит, что для этого требуется прежде всего просвещение, но соединенное также с боевой работой, специально оговариваясь, что это не есть переход на позицию кадетов.

Подобные сомнения Созонов выражает и в письме к Савинкову в июне 1909 г., где он констатирует, что не знает, «что в конце концов останется от старых слов», за которые он еще держится по привычке⁴³. Но доверие к избранному пути и к бывшему товарищу по боевой работе сильнее сомнений, и Созонов остается верен прошлому, сообщая Савинкову, что, «если бы пришлось выбирать между Вами и другим, который берется за дело во всеоружии ортодоксии, я был бы с Вами»⁴⁴.

И все же, видимо, этот синтез новых ценностей со старыми представлениями не мог оформиться в душе заключенного, так как в письме к Карповичу от 4 июля 1910 г. он признается, что чувствует «страшную усталость от нового», и полоса увлечений теориями, до того неизвестными, кажется Созонову пройденной, а «старое, отодвинувшееся было на задний план, дорогим и здоровым». Но, восстановив прежние идеалы, Созонов остается в смятенном состоянии духа, и в этом же письме замечает: «... Последнее время ничего не читаю, не могу читать»⁴⁵.

К лету 1910 г. душевный надлом, переживаемый Созоновым, достиг своего пика. Думается, причин тому было несколько. Во-первых, ослабление в России революционной борьбы, свертывание террора. Азефовские предательства 1907—1908 гг., расстраивавшие почти все планы террористов, а затем и общий партийный кризис после вскрытия многочисленных фактов провокации тяжело воспринимались Созоновым. Он не смог пережить прекращения террора. Во-вторых, долгое пребывание на каторге, отрыв от любых форм деятельности заставляли Созонова предполагать, что он не сможет найти себе места в новой жизни, жизни на свободе.

Все эти настроения ярко выражены в его последних трех письмах к Прокофьевой. 8 мая 1910 г. он пишет, что перестал понимать тех, для кого есть солнце и радость — «моя душа не с ними и не хочет к ним, это — чужие, слепые, глухие. Как телята не заливном лугу. Ну их к Богу». До выхода на поселение остается девять месяцев, и Созонова страшит его уход с каторги, он не хочет расставаться с дорогими тенями, не может позабыть их. 24 июля он пишет Прокофьевой, бывшей его единственным другом, с которым он делился самым сокровенным, что «осознал факт взаимного отчуждения между нами». Также он готовит ее к тому, что ей придется разочароваться во многих надеждах на будущее, и сообщает, что намерен прекратить переписку⁴⁶.

В письме от 17 октября уже явно звучит мотив о полной исчерпанности сил, о том, что все они оказались потрачены «на ожидания и на... бумажную жизнь». Созонова также чрезвычайно угнетают доходящие до него сведения о конфликте Савинкова с партийными лидерами. Он предвидит будущий

разрыв Савинкова с партией и пишет, что сам тогда бы «раскололся в себе самом и вряд ли остался бы человеком»⁴⁷. Постоянным лейтмотивом звучит страх перед возможным выходом на волю.

Весь этот комплекс причин — невозможность вести деятельную и полноценную жизнь, тяжесть отрыва от воли, возрастающая неуверенность в собственных силах, физическая и психологическая истощенность и желание в последний раз бросить вызов тюремному режиму — все это говорит о по-своему закономерном итоге жизни Созонова, о решении покончить с собой. В прощальных письмах, адресованных брату, родителям и М. А. Прокофьевой, Созонов подчеркивает, что его выбор есть протест против применения на каторге телесных наказаний, и, несмотря на то, что душа его стала «несвободной для радостей», последнее решение вызвано отнюдь не страхом, а «борьбой», в которую он по-прежнему верит. Во всех предсмертных письмах Созонов уверяет близких в том, что его «уход не освобождает их от обязанности жить», и что его последний шаг есть одно из «средств бороться за традицию» каторжного сопротивления, «поступок личности, которая не может жить иначе, не краснея»⁴⁸.

В заключение, говоря о Егоре Созонове, как об одной из наиболее ярких и характерных фигур Боевой организации партии социалистов-революционеров, необходимо подчеркнуть, что по мировоззренческим и тактическим вопросам эсеры-боевики считали себя прямыми преемниками народолюбцев. Однако эсеровский террор вспыхнул двумя десятилетиями позже, и за это время изменился не только мир, но и духовный облик людей, желавших этот мир изменить. Террор эсеров был не только бунтом против социальных институтов общества, он скорее являлся вызовом всему существующему мироустройству. Мечта о воплощенной социальной справедливости на земле, об истинно братских отношениях между людьми, об изменении природы каждого человека — таковы были импульсы, заставляющие действовать российских террористов. Мировоззрение отдельных их представителей отличалось необычайной широтой. Они пытались ответить на вопросы, поставленные их великими современниками, писателями и философами.

Самые яркие эсеры-террористы — Е. С. Созонов, Б. В. Савинков, И. П. Каляев, Л. И. Зильберберг, Б. У. Вноровский — осознавали себя членами единой семьи. Боевая организация была для них не только частью эсеровской партии, но и учреждением, в рамках которого они утверждали новые ценности. Представляется, однако, безразличным и бессмысленным оправдывать террор как способ решения любых политических проблем. «Кровь родит кровь» — справедливость этого утверждения доказывает весь ход человеческой истории. Но нельзя забывать и о том, что, по мнению видных представителей российской революционной интеллигенции, «спокон веку повелось: сначала кровь проливали мучители, деспоты и тираны, и лишь затем лилась ответная кровь»⁴⁹. Многие террористы начала XX в. считали вполне оправданным этически отдавать свои жизни в обмен на другие. Они служили своей идее бескорыстно, полагая, что их борьба будет залогом создания более совершенных форм человеческого общежития. Практическая невоплотимость идеалов Созонова и многих его соратников, трагическая судьба российских террористов, переосмысливших позднее свои деяния, является еще одним аргументом в пользу построения общества, гражданам которого никогда бы не пришлось задумываться о нарушении вечных законов морали, основой которых является принцип «не убий».

Примечания

¹ Общественное движение в России в начале XX века. Т. 3. Кн. 5. СПб., 1914; Слетов С. Н. К истории возникновения партии социалистов-революционеров. Пг., 1917; Спиридович А. И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг., 1918; Николаевский Б. И. История одного предателя. М., 1991; Гусев К. В. Рыцари террора. М., 1992; Geifman A. Thou Shalt Kill. Princeton, 1993; Будницкий О. В. «Кровь по совести»: терроризм в России (вторая половина XIX — начало XX в.) // Отечественная история. 1994. № 6 и др.

² Письма Егора Созонова к родным (1895—1910). М., 1925.

³ Исповедь Созонова. СПб., 1906. С. 42—43.

⁴ Письма Егора Созонова к родным. С. 47.

⁵ Егор Созонов: Материалы для биографии, М., 1919. С. 21.

⁶ Исповедь Созонова. С. 54.

⁷ Егор Созонов: Материалы для биографии. С. 27—30.

⁸ Исповедь Созонова. С. 59—60.

⁹ Там же. С. 62.

¹⁰ Гершуни Г. А. Из недавнего прошлого. М.; Л., 1929. С. 103.

¹¹ Исповедь Созонова. С. 63.

¹² Воля России. 1930. № 2. С. 154.

¹³ Там же. № 4. С. 343.

¹⁴ Там же. С. 350, 351.

¹⁵ Там же. № 9. С. 741, 743.

- ¹⁶ ГАРФ, ф. 5831, оп. 1, д. 532, л. 76—76 об.
¹⁷ Воля России. 1930. № 4. С. 353.
¹⁸ Там же. С. 349.
¹⁹ Письма Егора Созонова к родным. С. 84.
²⁰ ГАРФ, ф. 5831, оп. 1, д. 545, л. 7 об.
²¹ Воля России. 1930. № 7—8. С. 641.
²² ГАРФ, ф. 5931, оп. 1, д. 545, л. 1, 4.
²³ Воля России. 1930. № 3. С. 241.
²⁴ Савинков Б. Воспоминания. М., 1990. С. 56.
²⁵ Воля России. 1930. № 3. С. 239.
²⁶ Там же. С. 242.
²⁷ ГАРФ, ф. 5831, оп. 1, д. 532, л. 30 об.
²⁸ Письма Егора Созонова к родным. С. 369.
²⁹ ГАРФ, ф. 5831, оп. 1, д. 532, л. 18 об.
³⁰ Там же, л. 30.
³¹ Там же.
³² Там же, л. 18.
³³ Воля России. 1930. № 3. С. 238—239.
³⁴ Там же. № 11—12. С. 973—975.
³⁵ Там же. С. 976, 977.
³⁶ ГАРФ, ф. 5831, оп. 1, д. 530, л. 161, 162.
³⁷ Письма Егора Созонова к родным. С. 268.
³⁸ ГАРФ, ф. 5831, оп. 1, д. 532, л. 164.
³⁹ Письма Егора Созонова к родным. С. 266; ГАРФ, ф. 5831, оп. 1, д. 532, л. 164 об.
⁴⁰ ГАРФ, ф. 5831, оп. 1, д. 544, л. 3.
⁴¹ Там же, д. 545, л. 9.
⁴² Письма Егора Созонова к родным. С. 265.
⁴³ ГАРФ, ф. 5831, оп. 1, д. 545, л. 8 об.
⁴⁴ Там же, л. 9 об.
⁴⁵ Там же, д. 544, л. 3 об.
⁴⁶ Там же, д. 532, л. 190 об. — 191.
⁴⁷ Там же, л. 192 об. — 193 об.
⁴⁸ Письма Егора Созонова к родным. С. 367, 369.
⁴⁹ Вишняк М. В. Годы эмиграции (1919—1969). Париж, Нью-Йорк, 1970. С. 235.